

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

17 САМОЗВАНЦЕВ У РУССКОГО ТРОНА

Жизнь казачества издревле была окружена ореолом слухов, легенд и домыслов. Во власти «массовой мифологии» часто оказываются даже профессиональные историки. Более того, благодаря им появились новые, «научные» легенды о казачестве.

Всем известно, что давно распространён взгляд на казаков как на несгибаемых борцов за «Веру, Царя и Отечество». Не менее популярно и прямо противоположное мнение об извечном бунтарстве и своеволии казаков, неразрывной связи монархического самозванчества с казацкими выступлениями. При этом полагают, что казаки поддерживали (хотя бы поначалу) всех самозванцев, которые обращались к ним, а нередко лжемонархи «создавались» казачеством¹. Посмотрим, так ли было на самом деле, на примере многочисленных кандидатов в цари времён Смуты начала XVII века.

[с. 65]

Лжедмитрий I (1602/03 – 17 мая 1606)²

Подлинную личность человека, который первым начал выдавать себя за сына Ивана Грозного от Марии Нагой, по известным сегодня источникам достоверно установить непросто. Вполне вероятно, что им был беглый монах Чудова монастыря Григорий (в миру – Юрий Богданов сын Отрепьев), однако этот факт нельзя считать полностью доказанным. Равным образом нельзя уверенно говорить, что самозванца загодя кто-то готовил к его роли, что он был марионеткой в чьих-то руках.

Как известно, Лжедмитрий «проявился» в Речи Посполитой, на её украинских землях. Самозванец нашёл себе покровителя в лице магната Адама Вишневецкого, из имения которого не позднее 1603 г. ездил к запорожским казакам, пытаясь привлечь их к походу на Москву. Официальной поддержки от Войска Запорожского он не получил, однако сечевики помогли ему связаться с донскими казаками. Обитатели «вольного Дона» были весьма недовольны политикой Бориса Годунова, которого помимо прочего считали «ненастоящим» царём, и решились поддержать «царевича». В Польшу отправились несколько небольших отрядов, при этом казаки били челом самозванцу, «чтобы он не замешкал, шёл в Московское государство, а оне ему все ради». Заметим, что накануне Смуты в России имелось около 10 тысяч «вольных» (живших автономными «войсками») и 6 тысяч служилых (прямо подчинённых царю) казаков. Почти все они так или иначе приняли участие в повстанческом движении 1604–1605 годов.

В 1604-м вслед за донцами к Лжедмитрию, жившему в Самборе под крылом воеводы Юрия Мнишека, потянулись и малороссийские казаки. В октябре, когда самозванец перешёл российскую границу, под его началом было не менее 4 тысяч воинов – несколько сот поляков, около 2 тысяч украинских казаков и примерно столько же донских. К началу 1605-го состав повстанческой армии существенно изменился: большинство поляков, недовольных задержкой обещанного жалованья, оставило Лжедмитрия, зато к нему примкнули служилые люди из подчинившихся ему городов, остатки правительственных войск, а также около 12 тысяч казаков – украинских, донских и северских (городовых и сторожевых).

21 января 1605 года посланный Годуновым Василий Шуйский разбил Лжедмитрия при селе Добрыничи. Мятежники потеряли более 11 тысяч человек, среди которых было около 7 тысяч украинских казаков. Лжецаревич укрылся в Путивле, а победители осадили Рыльск и Кромы. В Кромах засели донские казаки во главе с атаманом Андреем Корелой. Шесть недель 30-тысячная царская армия осаждала крепость, но 1–2 тысячи казаков выдержали осаду. Правительственные войска таяли из-за дезертирства и болезней, а Лжедмитрий тем временем получал подкрепления. В частности, к нему пришли 6 тысяч донцов. 13 апреля царь Борис внезапно умер, а 7 мая все его силы под Кромами перешли на сторону Лжедмитрия.

Соединённое войско двинулось на Москву. Это было поистине триумфальное шествие. Массы народа стекались приветствовать «истинного государя». Из-под Тулы самозванец отправил двух гонцов с призывом к москвичам свергнуть царя Фёдора Борисовича и его мать царицу Марию. Донские казаки из отряда Андрея Корелы доставили посланцев Лжедмитрия I в Красное село, где они привлекли на свою сторону местных «мужиков». В сопровождении казаков и большой толпы крестьян посланцы въехали в Москву и на Красной площади при большом скоплении народа прочли грамоту самозванца. Это послужило началом к восстанию, в ходе которого Фёдор Годунов, его мать и сестра – царевна Ксения были схвачены и посажены в тюрьму, а москвичи принесли присягу новому царю. Об этом самозванец узнал в Туле от присланных из Москвы двух князей-делегатов. И вот что примечательно: они не были допущены к его «высокой руке» до тех пор, пока Лжедмитрий не принял донцов под предводительством атамана Смаги Чертенского.

Взойдя на престол в июне 1605-го, «царь Дмитрий» щедро наградил всех казаков, принявших участие в походе на Москву, и распустил их по домам. Лишь небольшая группа донцов была оставлена при нём, будучи включена в состав личной охраны царя. Но и они постепенно были заменены иностранцами. Весной 1606 года, перед гибелью Лжедмитрия I, в его окружении из казаков оставался лишь атаман Корела.

«Царь Дмитрий Иванович» (июль – октябрь 1606)

Строго говоря, именно этого самозванца – Михаила Андреева сына Молчанова, а не «Тушинского вора», следовало бы величать Лжедмитрием II. Молчанов, один из любимцев Лжедмитрия I, сбежал из Москвы в Польшу в июне 1606 года. Компанию ему составили князь Григорий Шаховской и думный дьяк Борис Сутупов, прихвативший с собой «государеву печать». По пути беглецы распространяли грамоты, написанные от лица чудесно спасшегося «царя Дмитрия» и скреплённые его печатью, и будоражили население словами, что один из них – сам государь.

Будучи в Путивле, Шаховской призвал жителей Северщины (лишившихся привилегий, дарованных некогда Лжедмитрием I) поднять восстание против Василия Шуйского, восшедшего 1 июня на престол. Уже в июле 1606 года из-под Путивля на Елец и далее на Москву двинулась повстанческая армия во главе с Истомой Пашковым, в рядах которой оказалось несколько тысяч призванных из Дикого поля казаков – очевидно, запорожских и донских.

В Путивле Молчанов не решился выдать себя за Лжедмитрия, поскольку многие местные жители хорошо знали и убитого самозванца, и его самого. Он предпочёл укрыться в Польше, в Самборском замке Мнишек – недавних царских родственников, и принялся играть роль чудесно спасшегося самодержца, устраивая тайные приёмы для людей, никогда не видавших первого самозванца.

На одной из таких аудиенций (видимо, в июле 1606 года) побывал приехавший из Венеции Иван Болотников, бывший донской казак и турецкий невольник. Молчанов сумел убедить его в том, что перед ним действительно царь Дмитрий. И когда Болотников объявил

о своей готовности отдать жизнь за «прирождённого государя», самозванец одарил его 30 дукатами, шубой, саблей и письмом в Путивль к Шаховскому. Болотников был назначен «большим воеводой» (главнокомандующим) повстанческой армии, после чего с войском в 12 тысяч человек двинулся через Комарицкую волость на Кромы. Основную силу его войска на этом этапе составляли, по-видимому, служилые

[с. 66]

люди (в том числе **городовые** и **сторожевые** казаки), а также выходцы из Дикого поля – **сечевики** и **донцы**.

В августе 1606-го Шуйский указал обнародовать грамоты с точным описанием Михаила Молчанова и отправил на Северщину и в Польшу посольство, которое должно было обличить самозванца и потребовать его выдачи. В ноябре разоблачённый Молчанов покинул окрестности Самбора и уже под видом «воеводы царя Дмитрия» начал собирать войско для помощи болотниковцам.

«Царевич Пётр» (зима 1605/06 – 10 октября 1607)

Вымышленный сын царя Фёдора Ивановича «проявился» в среде терских казаков. Им был «молодой» (неполноправный) казак Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (Горчаков), по прозвищу Муромец (он и вправду был родом из Мурома). Как рассказал на допросе сам Лжепётр, терцы роптали на задержку жалования и голод, говоря: «Государь де (Лжедмитрий I – О.У.) нас хотел пожаловати, да лихи де бояре: переводят де жалованье бояря, да не дадут жалованья...» И вот у казаков родилась идея идти к Москве за государевой милостью. Для этого они якобы решили обзавестись авторитетным предводителем и провозгласили Коровина «царевичем Петром». Описывая события таким образом, Илья, скорее всего, лукавил, перекладывая ответственность за самозванство на других. Ведь утаил же он факт разбоев, совершённых его отрядом на Волге. Думается, что инициатором авантюры стал сам Коровин, сумев убедить в своём высоком происхождении часть казаков. В этом ему помогла легенда, будто царица Ирина Годунова, опасаясь своего брата, подменила новорождённого Петра девочкой, а сына отдала в надёжные руки.

Весной 1606 года около 300 терских казаков под водительством Лжепетра пришли в устье Волги и начали двигаться вверх по реке. Вскоре под знамёнами «царевича» собралось до 4 тысяч человек, основную часть которых составили казаки – волжские, донские и яицкие. Самозванец отправил в Москву гонца с письмом к Лжедмитрию I, который ответил ему так: если «царевич» воистину сын Фёдора Ивановича, то он будет в Москве желанным гостем, если же это не так, то пусть он удалится прочь. Прислал «царь Дмитрий» и подорожную, которая предписывала выдавать «царевичу Петру» и его спутникам корм на всём пути в столицу. Илья Коровин согласился отправиться в Москву, но, миновав Казань и Свияжск, получил весть об убийстве Лжедмитрия I и повернул на Дон. На обратном пути его войско грабило купеческие караваны и разоряло небольшие крепости.

Летом 1606 года на Дон прибыли припасы и жалованье от нового царя – Василия Шуйского, после чего Войско Донское официально объявило о своём невмешательстве в борьбу правительства и повстанцев. Это значило, что «царевич Пётр» мог привлечь к себе в лучшем случае «голутвенных» (неполноправных) казаков, большинство которых жили на Северском Донце. Именно там осенью 1606 года Лжепетра и отыскивали посланцы Шаховского, по приглашению которого Илья со своим отрядом, всё-таки пополнившимся донскими казаками, направился в Путивль.

К тому времени повстанческая армия во главе с Болотниковым и Пашковым осадила Москву. Значительную часть восставших составляли казаки – как «войсковые» (донские, волжские, терские, яицкие, запорожские), так и служилые. Однако взять Москву не удалось, к тому же дворянский отряд Пашкова перешёл на сторону Шуйского. В декабре Болотников с остатками войска отступил в Калугу, откуда послал на Северщину донского атамана Ивана Заруцкого искать «царя Дмитрия».

В начале 1607 года Лжепётр со своим войском, в которое также вошли несколько тысяч украинских казаков, двинулся на помощь Болотникову. Из Тулы самозванец послал в Калугу отряд с продовольствием, однако по дороге он был полностью разгромлен. В мае Лжепётр всё-таки помог осаждённой Калуге. Служивший ему князь Андрей Телятевский разбил на реке Пчельне правительственный отряд. Болотников этим воспользовался и прорвался в Тулу. Поход на этот город Василий Шуйский возглавил лично. 10 октября измождённые осадой и голодом мятежники сдались на милость властей. «Тульские сидельцы», в том числе и казаки, были отпущены восвояси за исключением руководителей мятежа. Царь обещал

[с. 67]

сохранить жизнь Болотникову и Лжепетру, но слово не сдержал: в январе 1608-го был повешен «царевич Пётр», а в марте ослеплён и утоплен Болотников.

«Царевич Иван-Август» (лето 1606 – лето/осень 1608)

Очередной самозванец объявился близ Астрахани вскоре после того, как на юге страны стало известно о смерти царя Дмитрия. Он выдавал себя за мифического сына Ивана Грозного от его четвёртой жены Анны Колтовской. Подлинная личность «Ивана-Августа» неизвестна. Возможно, он был беглым холопом или крестьянином, перешедшим в казаки.

Поскольку «царевич» явился в Астрахань с небольшим отрядом из казаков (скорее всего, терских, донских и волжских), логично предположить, что он «проявился» где-то на казачьих землях. Самозванцу удалось привлечь на свою сторону астраханских горожан со стрельцами – в городе вспыхнуло восстание, в итоге которого местный воевода стал его подчинённым. В июне 1607 года под руку «Ивана-Августа» перешёл и Царицын, где также вспыхнул мятеж – после появления слуха, что царь Дмитрий жив, и агитации со стороны астраханцев. После этого самозванец со своим отрядом двинулся вверх по Волге на помощь «царевичу Петру» и Болотникову. По пути «Иван-Август» попытался взять Саратов, но понёс большие потери и был вынужден вернуться в Астрахань, а вскоре потерял и Царицын.

Зимой 1607/1608 года «царевич» послал гонцов к Лжедмитрию II, пытаясь, видимо, заключить с ним союз, но не встретил понимания. В грамоте «Тушинского вора» от 14 апреля 1608 года «Иван-Август» вместе с прочими «царевичами», объявившимися на южных окраинах, был заклеймён как самозванец. Лжедмитрий также сообщал, что послал на Нижнюю Волгу и в Дикое поле своих представителей для ареста лжецаревичей.

Трудно сказать, был ли схвачен «Иван-Август», но летом 1608 года он и его казаки отправились к Москве, в лагерь Лжедмитрия II. Астраханского самозванца без особых церемоний повесили, казаки же, пришедшие с ним, были награждены и влились в армию «царя Дмитрия».

«Царевич Фёдор Фёдорович» (лето 1606 – перед 14 апреля 1608)

Как и «царевич Пётр», этот самозванец выдавал себя за сына Фёдора Ивановича. Кем он был на самом деле, где и когда «проявился» – неизвестно. Можно лишь предположить, что и он впервые объявил о своём высочайшем происхождении перед казаками. Согласно слухам, гулявшим на Волге летом 1606 года, «Фёдор Фёдорович» находился тогда среди донцов и считался младшим братом «царевича Петра». В начале ноября 1607 года «царевич Фёдор» во главе трёхтысячного отряда донских казаков прибыл в стан Лжедмитрия II под Брянск. Он был обласкан и занял видное место при дворе, но затем был повешен. Возможно, это произошло незадолго до 14 апреля 1608 года, так как в грамоте Лжедмитрия смольнянам, датированной этим числом, «царевич Фёдор» поименован самозванцем.

**«Царевич Лаврентий»
(осень 1607 – лето/осень 1608)**

Очередной соискатель трона выдавал себя за никогда не существовавшего внука Ивана Грозного – сына царевича Ивана Ивановича и Елены Шереметевой. При этом вполне вероятно, что Лаврентий – его настоящее имя. Есть основания утверждать, что он был беглым холопом или крестьянином, а его соратниками стали представители «вольного» казачества (волжского, терского и донского). С ними не ранее сентября 1607 года он пришёл под Астрахань и находился если не в дружеских, то в добрососедских отношениях с «Иваном-Августом». Быть может, какое-то время они оба жили в Астрахани. По крайней мере, оба самозванца летом 1608-го сообща двинулись к Москве в окружении своих казаков. «Царевич Лаврентий» разделил судьбу «Ивана-Августа» и также был повешен в селе Тушино. Его недавние соратники, получив награду, поступили на службу к Лжедмитрию II.

**«Сыновья Фёдора Ивановича»
(1607 ? – лето/осень 1608 ?)**

Единственная информация о них содержится в грамоте Лжедмитрия II смольнянам от 14 апреля 1608 года. Согласно ей, самозванные сыновья царя Фёдора «проявились» у казаков, обитавших в «польских юртах», скорее всего, в Диком поле – степных районах на южном побережье России, Речи Посполитой и Крымского ханства. В грамоте названы семеро – Клементий, Савелий, Симеон, Василий, Ерощка (Ерофей), Гаврилка (Гавриил) и Мартынка (Мартын). Возможно, это их подлинные имена. По всей видимости, у каждого из них был свой отряд из казаков, а сами «царевичи», очевидно, были схвачены и казнены по приказу Лжедмитрия II.

**«Царевич Осиновик»
(1608)**

Этот самозванец, как и «царевич Лаврентий», выдавал себя за внука Ивана Грозного, сына царевича Ивана Ивановича. В упомянутой выше грамоте Лжедмитрия II он не значился. Скорее всего, «Осинович», подобно «астраханским царевичам», был предводителем отряда казаков, перед которыми и «проявился». Он действовал на Средней Волге, где летом 1608 года повстречался с «Иваном-Августом» и «Лаврентием», шедшими к Москве. Встреча оказалась для «Осиновика» роковой – его тут же повесили.

**Лжедмитрий II
(12 июля 1607 – 11 декабря 1610)**

Сведения о его происхождении «Тушинского вора» противоречивы и гипотетичны. Наиболее обоснованная версия такова: Лжедмитрием II стал православный выходец из Речи

Посполитой – крещёный еврей, бывший одно время школьным учителем в окрестностях Шклова и Могилёва. Трудно сказать, стал он самозванцем по своей инициативе или кто-то его предварительно готовил. Даже если такая подготовка и была, то казаки ею не занимались.

Лжедмитрий II «проявился» в Стародубе примерно 12 июля 1607 года. Важнейшую роль в его признании горожанами, служилыми людьми и «вольными» казаками сыграл донской атаман Иван Заруцкий, недавний соратник Лжедмитрия I. Вскоре новообретённый «царь» начал собирать армию для войны с Василием Шуйским. В сентябре 1607 года трёхтысячное войско выступило в поход. Треть его составляли конные польские дружины, остальную часть – «севрюки» (местные «служилые люди по прибору», в том числе казаки), и бывшие казаки-болотниковцы под водительством Заруцкого. В начале октября к Лжедмитрию II присоединились запорожцы, которые, однако, менее чем через месяц покинули его. По дороге к самозванцу примкнуло около 500 донских казаков, а вскоре под осаждённый Брянск явились 3 тысячи донцов, которых привёл «царевич Фёдор», и 4 тысячи бывших соратников Болотникова и «царевича Петра», по преимуществу казаков. К началу апреля 1608 года армия самозванца выросла до 18 тысяч – к Лжедмитрию II, обосновавшемуся в Орле, пришли 5 тысяч донцов, которыми руководил Заруцкий, и 3 тысячи запорожцев.

После этого самозванец двинулся к столице и в июне 1608 года стал укреплённым лагерем в Тушине. Вместе с ним тогда было не менее 30 тысяч воинов, около трети из них – казаки. К лету 1609 года численность тушинского воинства возросла до 100 тысяч, из которых примерно 45 тысяч дала казачья среда.

«Тушинское» казачество делилось на полки, управлявшиеся Казачьим приказом во главе с Заруцким. Донской атаман, скорее всего, никогда не верил в подлинность

[с. 68]

новоявленного «царя Дмитрия». И когда Лжедмитрий, опасаясь измены со стороны поляков, бежал в Калугу (29 декабря 1609 года), далеко не все казаки последовали за ним – одни отправились по домам, другие остались в Тушино и конфликтовали с поляками. Череда кровавых стычек привела к тому, что 15 марта 1610 года «гетман царя Дмитрия» Рожинский велел зажечь стан и распустил повстанческое войско.

В Калуге Лжедмитрий II попытался опереться опять-таки на казаков, которые по-прежнему составляли значительную часть его войска. Кроме того, он играл на патриотических чувствах, пугая народ стремлением польского короля захватить страну и установить в ней католичество. Его призывы нашли отклик у многих, в том числе и у казаков – даже тех, кто ранее отвернулся от самозванца. Особенно активно казаки стали стекаться в Калугу после того, как поляки в сентябре 1610-го заняли Москву. Вернулся и ушедший было к полякам Заруцкий. Однако всё изменила гибель Лжедмитрия II, которого убили его же собственные охранники из ногайцев. После этого была устроена резня соплеменников убийц, в которой верховодили донцы.

Лжедмитрий III (начало 1611 – 20 мая 1612)

Самозванец, которого прозвали «Псковским вором» и которого, строго говоря, надо считать Лжедмитрием IV, был то ли Сидорка, то ли Матюшка, московский дьякон (или дьяк), прибежавший в Новгород после убийства Лжедмитрия II и обосновавшийся там под видом рыночного торговца. Судя по всему, самозванцем он стал по собственной инициативе. Он «проявился» в Новгороде, но массового признания не получил и вместе с несколькими казаками, служившими до этого «Тушинскому вору», отправился в Ивангород, где был с

радостью принят. Под его власть перешли также Ям, Копорье и Гдов. Очень скоро о нём стало известно во Пскове, где находился отряд русских и украинских казаков, ранее пришедший из Тушино. 15 апреля 1611 года они покинули Псков и с частью стрельцов перешли к самозванцу. В Ивангород из ближних мест потекли и другие «тушинские» казаки.

24 июня самозванец пошёл на Псков, простоял под его стенами с 8 июля до 23 августа и, услышав о приходе шведов с новгородцами, бежал в Гдов, где был осаждён и едва прорвался в Ивангород. Когда шведы предложили ему сдаться, обещая предоставить убежище на своей территории, очередной Лжедмитрий ответил отказом, более того – он послал казаков атаковать противника. Вскоре после этого псковичи решились признать его «царём Дмитрием».

4 декабря «Лжедмитрий III» обосновался во Пскове вместе с верными казаками, после чего отправил из их числа к Москве гонца, желая привлечь на свою сторону остатки Первого ополчения – всё тех же казаков. Когда в подмосковный лагерь вернулся из Пскова бывший вельможа «Лжедмитрия II», публично опознавший того в новоявленном «царе», подмосковные таборы присягнули «Псковскому вору» (2 марта 1612 года). Однако из-за этого возникла угроза войны со Вторым земским ополчением (Минина и Пожарского), поэтому в апреле подмосковное казачество послало второго человека для опознания чудесно спасшегося «царя». Самозванец не был разоблачён, однако всё же лишился поддержки псковичей, недовольных его развратным поведением и поборами. Правда, у него оставались верные казаки, но основная их часть в мае покинула Псков, чтобы отогнать шведов. Против самозванца возник заговор, и он с небольшим числом казаков бежал ко Гдову, но был схвачен 20 мая и 1 июля отправлен под стражей к Москве. По одному известию, он был убит во время боя с польско-литовским отрядом, пытавшимся его освободить, по другому – казнён под Москвой, по третьему – повешен в Москве уже при царе Михаиле Фёдоровиче (после февраля 1613 года).

Лжедмитрий V (1611 – начало 1612 ?)

Единственное известие о последнем самозванце, выдававшем себя за чудесно спасшегося младшего сына Грозного, содержат грамоты, посланные в январе 1612 года в Кострому и Ярославль московскими боярами – сторонниками королевича Владислава. Там после обличения «Псковского вора» сообщалось: «...а другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил». По всей видимости, самозванец был ставленником причастного к гибели Лжедмитрия II ногайского князя, которому стоило опасаться за свою жизнь, проезжая по землям, где было много казаков.

Гипотетически этого «царя Дмитрия» можно отождествить с Гурием, который назван самозванцем наряду с «Иваном-Августом» и «Лаврентием» в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства». Это произведение было написано, вероятно, летом – осенью 1612 года в Казани, поэтому логично предположить, что в нём говорится лишь о местных – волжских – «царевичах». При этом «Иван» и «Лаврентий» называются в той последовательности, как они и «проявлялись». Гурий же упомянут последним³.

***

Судьбы семнадцати самозванцев эпохи Смуты позволяют уточнить расхожее представление о казачьем бунтарстве и патриотизме. Казаки далеко не всегда и не везде оказывали поддержку лицам, публично претендовавшим на статус монарха или члена его семьи. Поддержав самозванца, казаки не обязательно шли до конца, а между отдельными группами казачества, вовлечённого в самозванческую интригу, случались острые противоречия.

При этом участие в интригах нельзя однозначно квалифицировать как непатриотичное деяние. Патриотизм казаков заключался не в служении стране целиком (точнее, государству, которое подменяло собой народ), а в любви к совершенно конкретной территории – земле, где человек родился и где похоронены его предки. Проблема заключалась в том, что для представителей различных казачьих «войск», равно как для потомственных и «новопришлых» казаков «родиной» были разные земли.

Одновременно казачий патриотизм предполагал защиту веры предков и служение «подлинному» государю. Благодаря этому разнородное казачество могло на какое-то время стать единым. Причём «подлинность» монарха понималась не столько как его «добродетель» в отношении казаков, сколько как его легитимность. Поэтому едва ли для казаков было нормой выбирать «государей» из своей среды. Казачество готово было подчиняться лишь «природному» государю, но сделать безошибочный выбор в самозванческой круговерти в смутные времена было практически невозможно...

г. Тверь

---

¹ См.: Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2. Стб. 267, 271; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 21–22, 44–45; Дорофеев В. В. Самозванцы (К истории появления слова). Оренбург, 1994. С. 21; Васецкий Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3. С. 60; Лесин В. И. Бунтари и воины. Ростов н/Д., 1997; Тюменцев И. О. Русские самозванцы 1606–1607 годов и народная религиозность // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 213–249; Он же. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 54–96; Longworth Ph. The pretender phenomenon in eighteenth-century Russia // Past and present. 1975. № 66. P. 68–83; Szvbk G. False tsars. Boulder; Wayne, 2000. P. 150; Perrie M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. Cambridge, 1995. P. 174–181; Eadem. Pretenders in the name of the tsar: cossack «tsareviches» in seventeenth-century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. P. 255.

² Здесь и далее после имени самозванца в скобках указывается время от его «проявления», т. е. первого публичного заявления о своих притязаниях, до разоблачения или гибели.

³ Соловьёв С. М. Собр. соч. Кн. 4. С. 645; Perrie M. Pretenders... P. 176; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 138–139, 566.